

В. ВЕЛЧЕВ

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в. В БОЛГАРИИ

(Традиция фонвизинского «Недоросля»
в творчестве Т. Шишкова)

Проникновение русской литературы XVIII в. в Болгарию, охватывая не меньше двух столетий, продолжается в различной степени интенсивности почти до последнего времени. Ее восприятие, соответствующее определенным тенденциям собственного общественного развития страны, шло особенно активно и плодотворно в эпоху перехода от средневековья к новому времени, когда формировалась болгарская нация, создавался общенациональный литературный язык, болгарская литература утверждалась в своей самобытности, вступала в новую — светскую по характеру — фазу развития, становясь выразителем специфических для Болгарии потребностей развития общества в эпоху Просвещения.

Раньше всего, еще во второй половине XVIII в., в Болгарии познакомились с историографической литературой времен Петра I.

Позднее — в первой половине XIX в., благодаря переводам «оболгариваниям» и критическим оценкам, становятся известны и писатели в собственном смысле слова. Можно упомянуть как представителей демократического направления в русском классицизме В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова, так и выразительницу желиберального направления — Екатерину II. Наряду с ними в это время болгары знакомятся с Г. Р. Державиным, И. Ф. Богдановичем, Н. М. Карамзиным. Очень существенно и показательно то обстоятельство, что эти писатели привлекают внимание в общем не особенно значительных авторов, преимущественно из среды буржуазно-либеральных просветителей. Во второй половине прошлого столетия с болгарской литературой связываются имена других русских писателей XVIII в. Это выразители народного, демократического и революционного направления: Крылов, Фонвизин и в известном смысле Радищев. Именно эти русские писатели — наряду с Рылеевым, Пушкиным и Лермонтовым, Герценом, Чернышевским и Некрасовым — привлекают внимание уже более

крупных болгарских авторов — некоторых наиболее радикальных из среды буржуазных литераторов, а также и некоторых болгарских революционных демократов.

Особое значение для болгарской литературы имело творчество Дениса Ивановича Фонвизина (1745—1792). Его произведения («Всеобщая придворная грамматика», «Недоросль» и др.) своеобразно связаны с творческим развитием болгарских писателей и общественных деятелей различных эпох и идейных лагерей начиная с середины прошлого века и до нашего времени.¹

Тодор Шишков (1833—1897), деятельность которого в целом недостаточно исследована,² известен как скромный общественный деятель и педагог, посвятивший всю свою жизнь просвещению своего народа. Он получил хорошее для своего времени образование в Болгарии, а затем в Париже и Праге. Его авторская деятельность, протекавшая целиком в пределах турецкой империи, связана преимущественно с делом образования в Болгарии. Но наряду с учебниками и учебными пособиями по различным дисциплинам он пишет и стихи и драмы в патриотическом духе, печатает публицистические статьи в защиту национальных болгарских интересов против домогательств фонариотов и униатов, переводит и «оболгаривает» широко популярных в свое время немецких, английских, французских и американских авторов. Следуя Х. Траудцену, он создает драму «Велизарий» (1873), подготавливает переводы «Маленького Робинзона», «Странствований Телемаха», «Хижины дяди Тома» и др.³ Интерес, проявленный Т. Шишковым к предвестнику французского просвещения Фенелону, к защитнице человеческих прав негров Г. Бичер-Стоу показывает, что и в своей переводческой деятельности он исходит из общественных условий и потребностей поработанного болгарского народа.

Характеризуя более конкретно личность и общественно-политические взгляды Т. Шишкова, определяющие его отношение и к Фонвизину, необходимо отметить, что он не представляет себе

¹ Здесь укажем переводы произведений Фонвизина: Д. Маринов («Читалище», год. II, 1872, № 10, стр. 460—465); «Пряпорец», 1899/1900, № 74, стр. 2—3; «Развитие», год. I, 1902, № 7, стр. 2—4); Г. Киров («Сцена», кн. II. 1-е изд., София, 1908; 2-е изд., 1925, стр. 94—96); К. Калчев (Книга на протеста. София, 1946, стр. 480—483). Фонвизин в болгарской критике: П. Р. Славейков, «Читалище», год. III, 1873, кн. № 5, стр. 4; Йордан Иванов. История на славянските литератури. Пловдив, 1896, стр. 32; д-р Ст. Максимов. Екатерина II писателка. Бургас, 1909; К. Величков. Чуждостранни литератури. София, 1915, стр. 202; Цв. Минков. Българската драма. София, 1936, стр. 19; Ст. Каракостов, «Изкуство», 1950, кн. 7, стр. 553; Е. Метева. Фонвизин у нас. — Годишник на Софийския университет, Филол. факултет, т. 15, LII, 2. София, 1958 и др.

² О Т. Шишкове см.: Л. Касъров. Енциклопедичен речник, ч. III. Пловдив, 1907, стр. 3098. Связь Шишкова с Фонвизиним хорошо и основательно исследована Е. Метевой в работе «Фонвизин у нас».

³ М. Стоянов. Българска възрожденска книжнина, т. I. София, 1957, стр. 380.

болгарский народ как социально единую, непротиворечивую целостность, что он видит известное расслоение в болгарском обществе, понимает, что часть болгарской буржуазии, так называемого чорбаджийства, предаёт национальные интересы данного момента.

Особенно важно то, что Шишков знает и русскую литературу XVIII в. и проявляет интерес к ней. В своей «Элементарной словесности» в качестве примера исторических записок он добавляет и «Записки императрицы Екатерины II, перевод с французского языка на русский».⁴ Таким же образом, как на образец эпистолярной формы, Шишков указывает на письма Фонвизина.⁵ Он знал и самое значительное произведение этого автора — «Недоросль», — по тем отрывкам, которые даны в известной «Исторической хрестоматии» А. Галахова. Сам Шишков не скрывает связи этого произведения Фонвизина со своей комедией «Не ще може или глезен Мирчо»: при ее создании, заявляет он, «мы последовали примеру фонвизинского „Недоросля“ в его основной мысли»,⁶ что дало повод историкам литературы и театра неосновательно отказывать ему в авторстве, считать его произведение переводным, оболгаренным, или чем-то граничащим между оболгаренным творением и самостоятельным.⁷

Указанное признание Шишкова в отношении зависимости от «Недоросля» нисколько не мешает ему с полным основанием считать свою комедию самостоятельным произведением, обозначать ее в подзаголовке как «новую комедию», в предисловии к ней говорить о своем «дебюте перед публикой»,⁸ протестовать против обвинения в том, что это «переделанное» творение,⁹ в «Элементарной словесности» ставить ее рядом с комедиями С. Доброплодного, Т. Икономова и Д. Войникова: «Наконец, если хотите, и наша комедия „Не ще може или глезен Мирчо“, которая впервые была представлена в Тырново в 1870 г. и напечатана теперь в 1873 г.».¹⁰

Коренной конфликт фонвизинской комедии — насилие, произвол помещиков над крепостными крестьянами, — остался чуждым болгарскому автору.

Шишков обратил внимание главным образом на внешнюю сторону действия и притом постольку, поскольку это представлено

⁴ Т. Шишков. Елементарна словесност. Цариград, 1873, стр. 148.

⁵ Там же, стр. 132.

⁶ Т. Шишков. Не ще може или глезен Мирчо. Цариград, 1873, стр. XI.

⁷ См.: Fr. Wollman. Bulharské drama. Братислава, 1928; Б. Пенев. История на новата българска литература, ч. IV. София, 1936, стр. 753; Цв. Минков. Българската драма. София, 1936, стр. 15; Ст. Каракостов. Влиянието на руския реалистичен театър в България. — Изкуство, 1950, № 7—8, стр. 558; К. Н. Державин. Болгарский театр. М.—Л., 1950, стр. 29; П. Пенев. Лекции по история на българския драматичен театър. София, 1952, стр. 135, 147; Е. Метева. Фонвизин у нас, стр. 45, 50.

⁸ Т. Шишков. Не ще може или глезен Мирчо, стр. XI.

⁹ Т. Шишков. Развезката на една ветха комедия П. Р. Славейкова. Цариград, 1873.

¹⁰ Т. Шишков. Елементарна словесност, стр. 188.

в хрестоматии Галахова: невежество и грубость одних и просвещенность и гуманность других представителей одного и того же класса — дворянства. Следуя примеру понимаемого им таким образом Фонвизина, Шишков проявил свою творческую самостоятельность прежде всего в том, что транспонировал действие на материал болгарской действительности и социальных отношений 60—70-х годов XIX в., распределив краски точно так же между представителями одного и того же класса — в данном случае болгарской торгово-предпринимательской буржуазии. Он разделяет их на невежественных, алчных, равнодушных к судьбе Родины и на просвещенных, гуманных, патриотичных. Резко противопоставляя одних другим, Шишков разрешает конфликты между ними «с точки зрения более возвышенных требований нашей духовной жизни»¹¹ (как можно судить из его общих рассуждений о характере комедии в предисловии). Таким образом, он утверждает и самостоятельную патриотическую идею своей комедии «Не ще може или глезен Мирчо» — идею служения отечественным интересам данного момента при помощи просвещения.

Концепция Шишкова в отношении болгарской действительности раскрывается в сюжете его комедии, в котором он, впрочем, очень сильно зависит от фонвизинского «Недоросля».¹² Шишков в комическом свете изображает попытки невежественных представителей болгарской торгово-предпринимательской буржуазии Продана и Проданицы присвоить богатство, принадлежащее девушке Еленке, оставленной на их попечении. Для этого они хотят выдать ее замуж за своего родственника: сначала за брата Проданицы, а затем при изменившихся обстоятельствах — за ее сына Мирчо. Однако их планы расстраивает дядя девушки, Пырван, который возвращается из Румынии и берет в свои руки ее судьбу. Будучи не только богатым, но и просвещенным человеком, он избирает для своей племянницы образованного жениха в лице Драгостина. Комедия заканчивается радостными песнями по случаю помолвки не только Еленки с Драгостином, но и Стойки с Танасом. Это победа просвещенных, истинно образованных и патриотичных представителей буржуазии и приобщенной к ним интеллигенции. А невежественная, алчная и непатриотичная ее прослойка терпит неуспех, оказывается осмеянной в своих неоправдавшихся претензиях — она «не может» их осуществить, как это подсказано в самом заглавии произведения и многократно подчеркнуто в развитии действия.

Просветительско-патриотическая концепция в отношении болгарской действительности находит выражение и в основных чертах созданных Т. Шишковым характеров.¹³ Его Проданица, Про-

¹¹ Т. Шишков. Не ще може или глезен Мирчо, стр. VI.

¹² См.: Е. Метева. Фонвизин у нас, стр. 20—21.

¹³ Относительно отдельных черт характеров см.: там же, стр. 21—36.

дан, Мирчо и Коста по своему невежеству, жажде личного обогащения, отсутствию общественных интересов объединяются в одном идейном лагере. Но герои Шишкова не во всем похожи на соответствующих персонажей Фонвизина. В лице Проданицы, несмотря на ее сходство с фонвизинской Простаковой, болгарский комедиограф попытался создать характерный для болгарской действительности тип обуржуазившейся крестьянки. Она всеми способами стремится отделиться от своего прежнего состояния: одевается по-городскому, настаивает, чтобы ее называли не по-болгарски «буля», а по-гречески «кира», не позволяет высказывать ей пожелания благ в народном духе и т. д. По этой же причине она вводит в свою речь несвойственные для ее культурного уровня слова, которые она не понимает и комично извращает, употребляя слово «невидимо» вместо «невинно», «ученики люди» вместо «ученые люди», «еоргафия» вместо «география», «колименты» вместо «комплименты» и пр. Основным в ее характере является жажда разбогатеть еще больше, приобщиться к жизни городской буржуазии, обеспечить такое же положение и будущее своему сыну Мирчо. В конце концов, Проданица оказывается совершенно жалким, пустым, суетным и непросвещенным человеком, отрицающим из-за своего честолюбия все, чего не может понять. Пырван дает ей очень точную обобщающую характеристику: «О, не так, молодуха, нет! Те, кто не учен, так рассуждают, как вы; для них не существует то, чего они не знают и не понимают».¹⁴

И в лице своего Мирчо Шишков создает несколько иной персонаж по сравнению с фонвизинским Митрофанушкой. Он также избалован, не способен ни к какому труду, особенно тяжело ему дается учеба, от которой он хочет освободиться. Но у Мирчо можно заметить некоторую инициативность, умение, хотя и очень элементарное, приспособиться к среде. Мирчо противится попыткам матери внешне походить на горожанку; он говорит ей: «Ну, я не буду говорить тебе „нине“, ни отцу моему „ценка“, потому что товарищи, с которыми я играю, будут больше надо мной смеяться. Да и учитель Цвятко по своему обыкновению не очень хвалит меня и говорит, что это ни по-болгарски, ни по-гречески это самое „нине“ или „боба“, а по-турецки, а „ценка“ и он не знает что это такое» (стр. 15). Но положительные качества Мирчо обесцениваются его стремлением к приобретению богатства.

В том же плане построен и другой тип — шишковский Коста, напоминающий фонвизинского Скотинина. Неграмотный, он все же выглядит смышленным, сообразительным, трезвым человеком. Но жажда личного обогащения сделала из него грабителя народа, человека, далекого широким общенациональным задачам своего времени, грубого и бесцеремонного к другим.

¹⁴ Т. Шишков. Не ще може или глезен Мирчо, стр. 57. В дальнейшем страницы из комедии Шишкова указываются в тексте.

В совершенно противоположном плане построены Т. Шишковым положительные герои его комедии — Пырван, Драгостин, Еленка, Стойка и др. Будучи в известной степени идеализированными, объединенными в своем стремлении к просвещению, заботе об общественных интересах, привязанности к отечеству и пр., они еще более самостоятельны по отношению к соответствующим героям фонвизинского «Недоросля». Пырван — простодушный, патриархальный, прямой; он не грабил земляков и завоевал свое положение честным путем. Автор не выясняет, каким образом это возможно, но в своей самохарактеристике его герой ставит себя в пример, доказывая, что «трудом и честностью человек может поправить свое состояние» (стр. 37). Шишков показывает его внимательное отношение к людям, культурность в обращении с ними. Однако его главная черта — любовь к знанию, просвещению, образованию. По мнению героя, наука — это путь служения родине, единственное средство к ее возвышению и освобождению: «Ученые люди бывают полезными и себе и своему народу, а неученые — посмотрим таковы ли!.. Однажды спросили одного философа: — Какая разница между ученым и неученым? Тот ответил: Такая же, как между живым и умершим» (стр. 59). Пырван считает, что образование содействует и возвышению человеческой личности: «Ученый ... умирает как человек, а неученый — как скотина» (стр. 58).

Либеральные идейные позиции Т. Шишкова, его представления о современной ему болгарской действительности, особенности его писательского таланта наложили свой отпечаток на его восприятие Фонвизина, на его комедию «Не ще може или глезен Мирчо». Считая, что с помощью правильного воспитания можно устранить все общественные противоречия, он не доходит до понимания социальных причин изображенных им отрицательных явлений, не может их оценить по существу. Хотя он и отстаивает принципы реализма, полагая, что комедия должна «показывать характеры, которые всегда согласуются с жизнью и действительностью» (стр. X), персонажи его комедии не раскрыты в их внутренней социальной обусловленности. Шишков принципиально не ставит вопроса о праве на существование буржуазии как класса. Он критически относится к представителям последней лишь потому, что они необразованны, непросвещенны и т. д., следствием чего, по мнению Шишкова, и является их безразличие к судьбе отечества. Он верит, что главную роль играют идеи, знания, воспитание, и ставит в пример своих добродетельных, культурных и патриотично настроенных героев. Таким образом, отношение Шишкова к фонвизинскому «Недорослю» обнаруживает его стремление к приглушению социального звучания, к классовому единению во имя общенациональных интересов, понимаемых, естественно, с точки зрения либерализма.